

Радищев Александр Николаевич

**Полное собрание сочинений А.Н.
Радищева**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Николаевич Р.**
Полное собрание сочинений А.Н. Радищева: Том 1 / Радищев Александр Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 386 с.

ISBN 978-5-519-80190-4

ISBN 978-5-519-80190-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

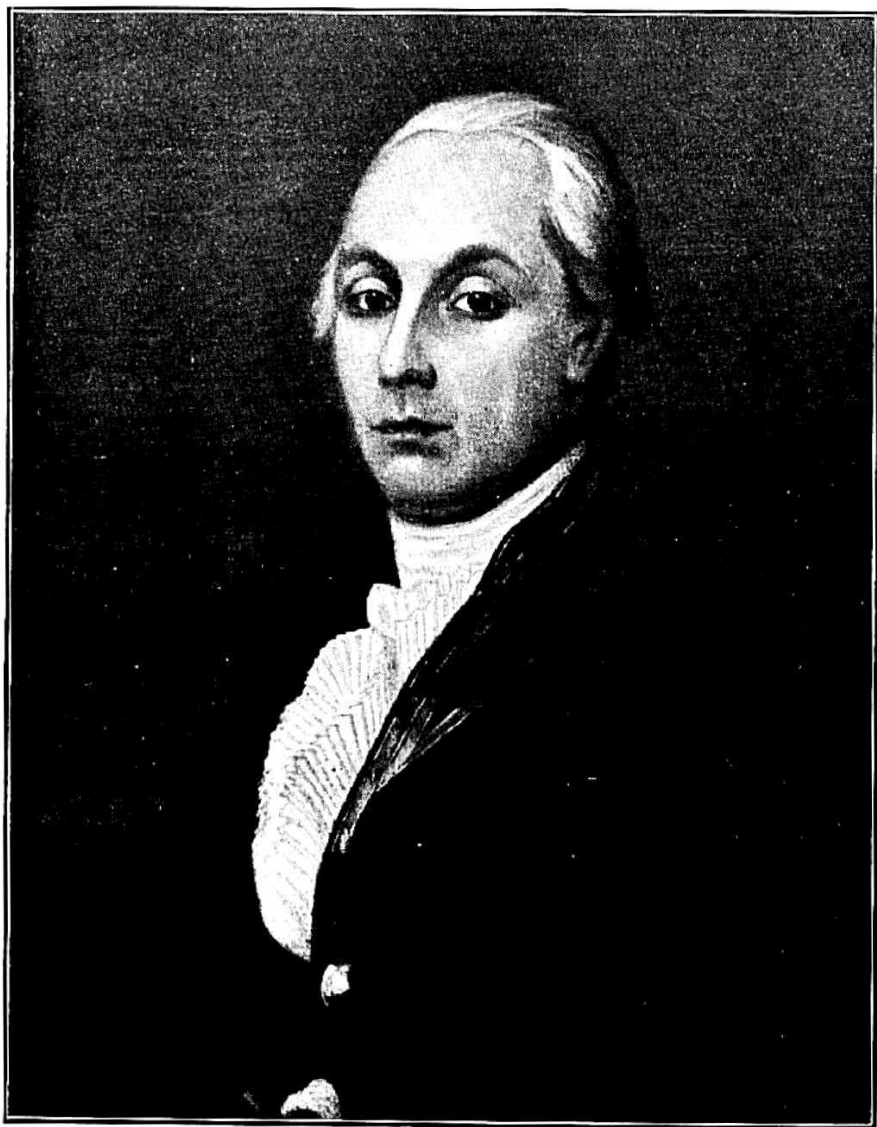
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

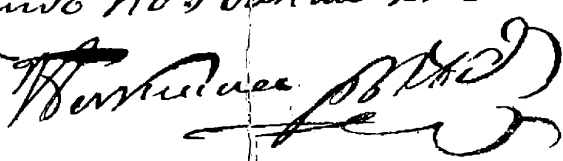
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ настоящемъ изданіи помѣщены ось литературныя произведенія А. Н. Радищева. При изданіи текста почти вездѣ (за исключеніемъ «Житія О. В. Ушакова» и стихотвореній) сохранена орвоірафія первыхъ изданій. Въ I т. напечатана біоірафія Радищева, составленна А. К. Бороздинымъ, а во II—статья И. И. Ланшина о философскихъ взглядахъ Радищева и дѣло о Радищевѣ. Редакція первой тома принадлежитъ А. К. Бороздину, второю—П. Е. Щюлеву.

An Enlarged page 10

свѣтъ, и тѣлеса крутящ-
яся ^{звѣзды} ~~звѣзды~~ образовались? Пер-
вый шагъ. въ твореніи ве-
силень. бѣлъ, вся чудесность
міра, вся его красота съ
полною сладостію. Вотъ
какъ понималъ я дѣйствіе
великія души надъ душа-
ми современными. Вотъ
когда, вотъ какъ понималъ
дѣйствіе разума надъ ра-
зумомъ. Въ степи Россійской
словесности Ломоносовъ
есть первый. Бѣли полна
завистливая. а потомъ
кто о немъ судитъ око
~~всегда~~ нелицеприятно.

Прислано по почте 25 Сентября
1789. Вдова ~~Великая~~ ^{Великая} ~~Великая~~ ^{Великая}

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Екатерининская эпоха представляетъ намъ впервые одну очень характерную черту въ исторіи повѣйшаго русскаго прогресса, особенность, выражающуюся въ томъ, что правительственная власть беретъ на себя инициативу раскрытія русскаго общества, высказываетъ, повидимому, живѣйшую заботу о просвѣщеніи и движеніи впередъ, но какъ только въ самомъ обществѣ обнаруживается подобное же стремленіе, власть пугается и круто поворачиваетъ назадъ; первоначальные широкіе планы преобразованій остаются неосуществленными, призывы къ прогрессу и прекрасныя обещанія оказываются безплодными словами, а дѣйствительность окрашивается въ самый мрачный цвѣтъ торжествующей реакціи. Однако общество, пойдя по призыву власти на новый путь, уже не можетъ повернуть назадъ и продолжаетъ двигаться въ томъ направленіи, которое принято было имъ ранѣе. Движеніе, можетъ быть, нѣсколько замедляется, обществомъ овладеваютъ апатія и растерянность, появляется нѣкоторое число малодушныхъ ренегатовъ, подлаживающихся къ новому курсу правительственной политики, но разъ сказанныя хорошія слова не забываются, и даже изъ нихъ дѣлаются нѣкоторые выводы, весьма существенные для дальнѣйшаго развитія, а главное, несмотря на ослабленіе передовыхъ борцовъ, новыми идеями захватываются все болѣе и болѣе широкіе круги народа. Подобный процессъ мы наблюдаемъ въ началѣ XIX в., при императорѣ Александрѣ I, когда всѣ вѣрили въ силу вліянія его молодыхъ совѣтниковъ, потомъ въ «эпоху великихъ реформъ» императора Александра II, когда казалось, что освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ къ общему раскрытію, но въ первый разъ мы съ такимъ фактомъ встречаемся при Ека- теринѣ II.

Рѣшившись вскорѣ послѣ вступленія на престолъ созвать знаменитую комиссію для составленія новаго уложенія, написавъ для этой комиссіи «Наказъ», Екатерина явилась первой пропагандисткой въ Россіи освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей современныхъ европейскихъ философовъ и государствовѣдовъ. Приближенные къ ней люди приходили въ ужасъ отъ тѣхъ «аксіомъ, способныхъ потрясти стѣны», которыми были переполнены «Наказъ», и рѣшительно протестовали не только противъ освобожденія крестьянъ, но даже и противъ мѣръ правительства къ улучшенію ихъ положенія. Въ любопытной полемикѣ съ Сумароковымъ, Екатерина обнаружила вполне ясное пониманіе ненормальности крѣпостныхъ отношеній, а въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ она показала современной литературѣ путь борьбы противъ нечѣстнаго произвола. Но медовые мѣсяцы либерализма не были продолжительны, и императрица скоро стала охлаждать къ увлекавшимъ ее освободительнымъ идеямъ, видя въ нихъ что опасное для своей власти. Уже законодательная комиссія зашла, по мнѣнію императрицы, слишкомъ далеко, а литература не могла удовольствоваться одной «улыбательной» сатирой, которая допускалась императрицей, и заговорила очень рѣзкимъ тономъ и этимъ возбудила серьезные опасенія. Еще болѣе страху нагнала пугачевщина, и, наконецъ, полная реакція должна была наступить при первыхъ уже вспышкахъ великой французской революціи. Императрица окончательно отреклась отъ прежнихъ увлеченій, и всѣ тѣ люди, которые недавно вторили ея либерализму, вынуждены были или замолкнуть, или же приладиться къ новому настроенію императрицы.

Сперва, по отношенію къ увлекавшимся писателямъ-идеалистамъ, можно было ограничиваться словесными репримандами и легкими внушеніями быть осторожнѣе и умѣреннѣе, но дальше признано было необходимымъ прибѣгнуть къ суровымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Надежда на либерализмъ сверху была скоро уничтожена у Фонвизина, у Княжнина... За свои ревностныя заботы о просвѣщеніи жестоко пострадалъ Н. И. Новиковъ, который въ 60-хъ годахъ XVIII в. въ своихъ журналахъ былъ усерднѣйшимъ защитникомъ идей императрицы, а теперь оказался важнымъ государственнымъ преступникомъ потому, что не сумѣлъ отречься отъ этихъ идей. И въ такое-то время глухой реакціи выступилъ со своей знаменитой

книгой Радищевъ, воспитавшійся подъ обаяніемъ лучшихъ идеаловъ начала царствованія, и какое горькое, трагическое разочарованіе ждало честнаго мечтателя!

Сынъ саратовскаго помѣщика, Радищевъ родился въ 1749 г. Отецъ будущаго писателя былъ человѣкъ хорошо образованный, много читавшій и настолькоъ гуманно относившійся къ крестьянамъ, что они сами защищали его во время пугачевщины. Весьма вѣроятно, что его вліяніе на образованіе убѣжденій сына было вполне благопріятное. Домашнее воспитаніе и обученіе не были продолжительны, и Радищевъ былъ отведенъ въ Москву, гдѣ бралъ уроки у лучшихъ тогдашнихъ учителей и профессоровъ недавно открытаго университета. Въ 1762 г. онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, но пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи не могло ему принести никакой пользы, такъ какъ, по отзыву Императрицы Екатерины, пажи росли невѣждами и шалунами. Черезъ четыре года Радищевъ вмѣстѣ съ 11-ю молодыми дворянами былъ посланъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1771 года.

Несмотря на разные неблагопріятныя условія заграничной жизни русскихъ молодыхъ людей, Радищевъ вынесъ изъ университетскаго преподаванія довольно обширный запасъ знаній и сумѣлъ себѣ выработать опредѣленное міросозерцаніе въ духѣ господствовавшихъ тогда идей просвѣтительной философіи. Въ этомъ отношеніи особенно сильное вліяніе имѣлъ на него «вождь его юности», его товарищъ, Ѳ. В. Ушаковъ, рано скончавшійся молодой человѣкъ, біографія котораго была предметомъ одной изъ первыхъ литературныхъ работъ Радищева. Вмѣстѣ съ этимъ другомъ Радищевъ изучалъ сочиненія извѣстнаго матеріалиста Гельвеція и демократа Мабли, который для него навсегда остался величайшимъ авторитетомъ въ области политическихъ вопросовъ. Къ этому же времени, вѣроятно, относится знакомство Радищева съ сочиненіями Руссо, Монтескье и съ сентиментальнымъ направленіемъ европейской литературы, которое отразилось впоследствии на его собственныхъ произведеніяхъ. Заграничное пребываніе содѣйствовало укрѣпленію высокаго идеализма, или по выраженію Радищева, «изящнаго ума». Люди, отличающіеся такимъ умомъ, «укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраниваются отъ проложенныхъ путей и вдаются въ неизвѣстныя и непроложенные. Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ-то сродное человѣку безпокойство становится ясно: без-

покойствіе произведшее все что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, породившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога».

Съ этимъ «безпокойствіемъ», съ этимъ «излишнимъ умомъ», Радищевъ, конечно, не могъ пойти тѣмъ «проложеннымъ путемъ», по которому двигались въ тѣ времена всѣ молодые дворяне, и это въ самомъ скоромъ времени должно было обнаружиться, какъ въ его службѣ, такъ въ особенности въ литературной дѣятельности. Вернувшись въ 1771 году въ Петербургъ, Радищевъ поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ, черезъ два года онъ перешелъ на должность оберъ-аудитора при графѣ Брюссѣ; въ 1775 году онъ женился и вышелъ въ отставку, но опять черезъ 2 года поступилъ на службу въ коммерцъ-коллегію, а съ 1780 г. до своей ссылки служить въ петербургской таможнѣ сперва помощникомъ управляющаго, а подъ конецъ и управляющимъ.

Во время службы въ коммерцъ-коллегіи и въ таможнѣ онъ близко сошелся со своимъ начальникомъ, президентомъ коллегіи, гр. А. Р. Воронцовымъ, и въ этомъ случаѣ ярко проявился столь характерный для него и столь необычный для окружавшей его среды, его идеализмъ, побудившій его стать на защиту праваго дѣла противъ властнаго мнѣнія самого начальства. «Въ коммерцъ-коллегіи (передаетъ этотъ эпизодъ В. Е. Якушкинъ) разсматривалось дѣло о пенъковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинившихся въ упущеніяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ (Беклемышевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ воплотившимъ определеннымъ рѣшеніемъ президента. Беклемышевъ долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника. Радищевъ не поддавался этимъ доводамъ, прямо заявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться гоненію и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговоръ. Долго не рѣшались доложить Воронцову объ упорствѣ млад-

шаго члена коллегіи, повичка въ дѣлахъ. Наконецъ, Беклемишевъ доложилъ. Воронцовъ сначала очень разсердился, полагая, что несогласіе Радищева съ общимъ мнѣніемъ вызвано какимъ-нибудь корыстолюбивымъ видомъ, но всетаки прочелъ внимательно его мнѣніе, а потомъ захотѣлъ лично выслушать доводы младшаго ассессора. Послѣ разговора съ Радищевымъ Воронцовъ измѣнилъ свой взглядъ, и браковщики были оправданы.

Подобные факты жестоко оскорбляли нравственное чувство Радищева, открывали ему поразительный контрастъ между его идеалистическими мечтаніями и русской мрачной дѣйствительностью, и это сильно отразилось на его душевномъ настроеніи. Явилось разочарованіе, которое онъ ярко характеризуетъ, обращаясь къ своему другу, А. М. Кутузову: «Вспомни, — говоритъ онъ, — наше нетерпѣніе видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, вспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли между Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ такового, и что не могли бы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любимый другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О, вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемяющій сердце юности. Единножды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его ка-
лѣкою».

Это разочарованіе отразилось и на литературной дѣятельности Радищева. Она началась подъ вліяніемъ «жара», выпесеннаго изъ заграничныхъ занятій, а также, по странной прони судьбы, при одобреніи самой императрицы, которая въ послѣдствіи карала его за тѣ же стремленія, что проявились у него въ это время. Учредивъ на свои личные средства общество для перевода замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій, Екатерина привлекла къ занятіямъ общества и Радищева. Онъ перевелъ книгу любимого своего автора, аббата Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prospérité et des malheurs des Grecs» (Размышленія о гре-

ческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ). Къ этому переводу, заслужившему одобрение императрицы, были присоединены нѣкоторыя примѣчанія, обнаруживающія свободолобіе переводчика. Такъ, переводя слово *désotisme* выраженіемъ «самодержавство», Радищевъ объяснял: «Самодержавство есть наипротивнѣйшее челоѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собой неограниченной власти, но лиже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣть другого права наказывать преступниковъ опрѣчь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное должныемъ дѣлать неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный* договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражда-нинъ народнаго общества*».

Книга Мабли была издана въ 1773 году; въ два слѣдующіе года Радищевъ много писалъ стиховъ «на нѣжныя предметы», но потомъ не появляется въ печати до 1789 г.: о «нѣжныхъ предметахъ» писать не приходилось, казалось уже не кстати, такъ какъ окружающая обстановка наводила на очень мрачныя размышленія... Однако, за этотъ періодъ молчанія подготовляются важнѣйшія произведенія, въ которыхъ выражаются, какъ философскіе, такъ въ особенности политическіе взгляды Радищева. Въ 1782 г. имъ была написана небольшая брошюра, изданная только черезъ 7 лѣтъ, подъ заглавіемъ «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего». Описывалъ въ этой брошюрѣ открытіе памятника Петру Великому и превознося его преобразованія, онъ упрекалъ Петра за «истребленіе вольности», хотя и оправдывалъ его тѣмъ соображеніемъ, что «нѣтъ и до окончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь добровольно упустилъ что-либо изъ своей власти, сѣдлай на престолѣ». Прочтя впослѣдствіи эту брошюру, Екатерина замѣтила: «Давно мысль его готовилась ко взятому пути».

Въ 1785 году Радищевъ познакомился съ сочиненіемъ энциклопедиста, аббата Рейналя «*Histoire philosophique et po-*